

– Это еще что за сыр-бор?

– Говорят, какая-то вещь пропала.

Пока Цземин и Чэнь Цзиншань переговаривались, группа следовавших за ними учеников толпой высыпала из внутреннего двора и тоже вытянула шеи, пытаясь разглядеть, что там происходит.

Цземин окинул их беглым взглядом и, заметив, что кого-то не хватает, тут же спросил:

– А где молодой господин Сюй?

– Да он, – отозвалась маленькая сестрица с высоким конским хвостом, – когда мы сегодня вернулись, сказал, что смертельно устал, и ушел к себе в комнату спать.

– ...

При этих словах лица Чэнь Цзиншаня и Цземина в тот же миг переменились. Они стремительно бросились обратно во двор, в то время как остальные, оставленные стоять на месте, успели лишь растерянно вытянуть шеи.

Народ сегодня сновал туда-сюда безостановочно: едва старшие братья вернулись во двор, мимо как раз прошел Владыка Демонов, которого не было видно со времен вечернего пира.

Спереди дорогу освещали факелами, позади семенили осторожные слуги. Верховный правитель шел прямо посреди толпы и – надо же такому случиться – впервые за весь вечер бросил взгляд в их сторону.

От одного взгляда этих кроваво-красных глаз по спинам пробежал ледяной мороз. Тело среагировало быстрее мозга: подчиняясь рефлексу, они тут же согнулись пополам и почтительно склонили головы.

Лишь когда боковым зрением они заметили, что ноги Владыки скрылись из виду, ученики наконец распрямились и возобновили прерванный разговор:

– Чего это старшие братья так переполошились из-за того, что кто-то лег спать?

– Хлоп...

Шаги уже удалившегося человека внезапно затихли, заставив замереть и всех остальных.

А между тем тот, кто должен был вернуться давным-давно, наотрез отказывался объявляться. Сюань Чжи закрыл глаза, снова открыл их, нахмурился, а затем, опустив голову, принялся шарить в карманах. Спустя мгновение он извлек на свет горстку мелких вещиц и выудил оттуда кроваво-красный нефритовый паэцзы, длинные шелковые кисти которого живописно переплелись в его пальцах.

Эту штуковину тот самый вредный заноза засунул ему обратно в руку, затеряв среди какой-то мелочи.

Вернувшись во внутренний двор, Чэнь Цзиншань и Цземин миновали цветочную галерею, шагнули прямо в жилые покои и остановились у безмолвной двери с погасшими окнами, собираясь постучать.

- Тук-тук...

Глухой стук костяшек пальцев о деревянную створку разнесся по затихшему пространству, отчетливо замирая где-то на задворках двора.

Выждав едва ли пару секунд, Чэнь Цзиншань решительно распахнул дверь ударом ноги, подхватил стоявший в коридоре подсвечник и шагнул внутрь, разгоняя мрак.

Вспыхнувший свет мгновенно выхватил из темноты обстановку комнаты, обнажив неприглядную истину: пустую постель и абсолютно пустой стол.

И правда пропал.

Этот человек не отличался крепким сном по ночам и неизменно вылезал на любой кипиш, стоило только замаячить зрелищу. Под окнами стоял такой шумовой гам, а он так и не соизволил показаться – значит, стряслась беда.

У Чэнь Цзиншаня дернулась бровь. Круто развернувшись, он быстрыми шагами направился к выходу со словами:

- Я иду к градоправителю.

Живой человек не мог испариться среди бела дня, к тому же молодой господин Чжуйюнь исчез из резиденции ровно в тот же момент. Между этими похищениями определенно была связь.

Связь действительно имелась: оба они сидели взаперти в одной комнате, причем Сюй Чжицю за это короткое время успел приложиться ногой к заду Чжуйюня уже раз пять.

Этот кадр даже в такой ситуации продолжал совмещать панику за собственную шкуру с мелочной завистью: его до крайности угнетало, чем же он хуже какого-то там господина Циюня. Он нудно, уныло бубнил себе под нос, отчего уши вяли, но стоило отвесить ему еще парочку увесистых пинков, как он наконец заткнулся.

- Белояшмовый град – просто проклятое для меня место, – умотав самого себя этой легкой разминкой, Сюй Чжицю откинулся затылком на подпиравший их опорный столб и прикрыл глаза. – Вечно тут какая-нибудь хрень случается.

Чжуйюнь уже перестал брыкаться и ворчать – судя по всему, боевой дух покинул его чат. Больше он не смел раскрывать рта, лишь робко выдавил из себя:

- Что же нам теперь делать? Как думаешь, мы умрем?

- Придется ждать, пока кто-нибудь придет спасать, – лениво приоткрыв один глаз, бросил Сюй Чжицю. – Всё зависит от того, насколько ты дорог Хуа Чжэнманю. Захочет ли он поднимать из-за тебя такой кипиш.

Мало того, что он спёр вещь и не вернул её хозяину, так еще и вляпался в такое жалкое дерьмо. Чжуйюнь сомневался не то что в спасении – он подозревал, что если попадет в руки градоправителя, то живым оттуда не уйдет, и его участь окажется куда хуже нынешней.

Теперь, оглядываясь назад, он никак не мог взять в толк, какая муха его укусила стащить эту проклятую одежду. Каждый его шаг словно по минам строился, неумолимо ведя к катастрофе, будто кто-то чужой вселился в его тело и водил за руку. Вытянув шею, он попытался заглянуть за дверь и пробормотал:

- Интересно, кому это понадобилось нас похищать? Зачем? И где мы вообще находимся?

Пока они в городе, у них еще оставался призрачный шанс на спасение; но если их вывезли за пределы Белояшмового града, то тут уже и бессмертные не помогут.

- Тебя похитили люди из «Лисьей маски». Это такая шайка наемников.

Заведенные за спину связанные запястья слегка зашевелились. Сюй Чжицю размял затекшие, покрасневшие руки, с легким упором на землю поднялся на ноги и произвел смотр территории:

- Мы, судя по всему, еще в черте города. Вытащить двоих пленников наружу можно только на летающем челноке, а использовать его сейчас – значит смертельно рисковать разоблачением. Им самим это не выгодно.

Он поднялся с пола так непринужденно, словно и не был связан вовсе – все движения вышли донельзя естественными, будто путы на запястьях существовали лишь в чьем-то воображении. У Чжуйюня отвисла челюсть, глаза полезли на лоб. Он пошевелил губами, но выдавил из себя лишь жалкое:

- Ты... а?

Отряхнув пыль с одежды и проигнорировав вытаращенные, полные немного ужаса и теплившейся надежды глаза Чжуйюня, Сюй Чжицю направился к выходу и осторожно выглянул из-за косяка.

В коридоре ни души. Лишь крошечная комната, одинокая лампада в углу да деревянный стол, на котором живописно раскинулись чей-то меч и нефритовый паэцзы. Скользя по ним взглядом, он повернул голову и поинтересовался:

- Бирюзовый меч и нефрит с узором из орхидей – твои?

Чжуйюнь, безуспешно попытавшийся повторить его фокус с освобождением, судорожно закивал.

Но духовные силы были наглухо заблокированы, и как он ни извивался червяком, толку не было. Потратив уйму времени и добившись лишь того, что грубая веревка стерла кожу на запястьях практически до крови, он наконец оставил эти безуспешные попытки. Затаившись на прежнем месте, он дрожащим голосом вернулся к предыдущей теме:

- Что за «Лисья маска»? И какие еще наемники?

- Наемников можно представить как специализированные шабашкины конторы по выполнению грязной работы. Одни вроде как приличные, работают по заказу в открытую, а другие промышляют всем – от заказных убийств до поджогов, – припав плечом к дверному косяку и выглядывая наружу, пояснил Сюй Чжицю. - «Лисья маска» – одна из крупнейших организаций наемников. По крайней мере, так было пару лет назад, сейчас не знаю. Их фирменный знак –

татуировка в виде лисьей маски за правым ухом.

На косяке двери красовалась приклеенная бумажная полоска. Из-за угла обзора рассмотреть её полностью было сложно, но контуры не оставляли сомнений – это был талисман запрета заклинаний, напрочь глушащий любую духовную энергию в пределах помещения.

Его брови едва заметно расслабились. Развернувшись, он неспешно зашагал обратно, рассеянно провел пальцем за собственным ухом и бросил:

– Когда мы столкнулись с ними нынче вечером, я успел разглядеть шрам у него за ухом.

Находясь в полном неведении относительно происходящего, он умудрился за столь короткий отрезок времени выудить столько полезной информации и при этом совершенно не выглядел испуганным перспективой умереть в этой дыре. Чжуйюнь озадаченно поднял на него глаза и спросил:

– Ты кто вообще такой?

Сюй Чжицю приложил палец к губам, призывая к тишине, снова опустил у опорного столба и, закинув руки за спину, произнес:

– Всё, завязывай болтать.

Тон был будничным, вовсе не командным, но Чжуйюнь почему-то беспрекословно послушался и тут же захлопнул рот.

– ...Интересно, стоило ли вообще так париться из-за этого похищения? Какая-то дешевая подделка, неужто градоправитель в самом деле станет выкупать его?

– Кто ж его знает. Серебряные ушли на переговоры, это не наша забота. Жаль только, что прихватили лишнего пассажира. Фигурка-то у того паренька была ничего, хотели толкнуть на аукционе за приличные деньги, да вот физиономией не вышел до нужного сорта. А вот если бы удалось продать того самого Чжуйюня...

Не прошло и пары секунд после этих слов, как из коридора донеслись шаги. Приближающиеся голоса двух людей звучали всё отчетливее.

Помимо прочего, удостоившись нелестной оценки собственной внешности, Чжуйюнь судорожно дернул бровей и здорово покосился на сидевшего рядом спутника.

К счастью, тот никак не отреагировал на плевок в свою сторону – лишь уголок губ брезгливо дрогнул.

А заодно, воспользовавшись моментом и приглядевшись повнимательнее, Сюй Чжицю понял, что бандиты были правы: этот напыщенный павлин и впрямь оказался тощим, хотя пропорции тела сохранял правильные, а из-под растрепанных седых прядей виднелась тонкая, мертвенно-бледная лебединая шея.

Вид у него был настолько болезненный, что смотреть на него лишний раз не хотелось. Окинув его беглым взглядом, Сюй Чжицю поспешно отвел глаза.

Двое за дверью лишь бегло окинули их взглядом издалека, убедившись, что пленники никуда не делись, уселись за столик у дальней стены и принялись греметь подсвечниками, попутно перебирая разложенные вещи. Стол огласился звонким стуком.

– Какая рухлядь, даже продавать стыдно. У этого седого шмотки дорогие, а в карманах вошь на аркане. Знали бы – аккуратнее тащили, глядишь, за целое платье выручили бы больше, чем за него самого.

– ...

Обладатель седой шевелюры Сюй Чжицю молча опустил взгляд на собственные одежды. Ничего выдающегося в них он не заметил, а вот порванные по дороге зацепки зияли во всей красе. Мысли его занимало лишь одно: лишь бы Сюань Чжи не вздумал истребовать с него компенсацию за испорченное имущество, прикрываясь их давней «дружбой».

Денег у него не было от слова совсем, а расставаться с жизнью ради чужих капризов он не собирался. Всё, что ему удавалось скопить, уходило на покупку бульварных романчиков – стратегический запас духовной пищи на ближайшие годы. Больше всего он жалел, что сегодня все книжонки скопом отдал этому демону; оставил бы себе хоть одну за пазухой, не пришлось бы сейчас так тоскливо умирать от скуки.

– И что теперь делать? Притащили лишнего человека, толку ноль, а хлопот не оберешься. В Белояшмовом граде нельзя оставлять ни единого трупа неизвестного происхождения, сплошная головная боль.

– Дождемся серебряных, послушаем, что ответит градоправитель. Откажется – потянем время, согласится – прикончим обоих. В худшем случае увезем трупы в мир демонов или сбросим в канаву где-нибудь на полпути.

Ну вот. Прекрасно. Мало того, что жизнь летит под откос, так ему еще и срок зачитывают прямо в режиме реального времени.

Слушая этот деловитый диалог, Сюй Чжицю едва заметно поморщился и пробормотал:

- И почему меня вечно ставят перед выбором, где в любом случае придется помереть?

Неужели у них в штате не предусмотрена опция «оставить в живых»? До чего же прогнул этот мир, до чего же бездушно человеческое сердце!

В таких неблагоприятных условиях в душе Чжуйюня неожиданно проснулись лучшие человеческие качества, и он, не удержавшись, шепотом утешил сокамерника:

- Желаю тебе долголетия и процветания.

И чтоб прожил еще как минимум десяток тысяч лет. Сюй Чжицю решительно отверг столь сомнительное пожелание и поправил:

- Давай-ка лучше я прямо сейчас помереть соизволю. Хоть чуть пораньше, хоть чуть попозже – мне без разницы, я парень сговорчивый.

Бездушие человеческой натуры – штука, пожалуй, не такая уж плохая: у каждой медали, как выясняется, есть обратная сторона.

Чжуйюнь:

- ...

Чжуйюнь: «?»